

УДК 340.1:347.1:346.1

К ВОПРОСУ ОБ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ ИНВЕСТИЦИОННОГО ПРАВА (ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ)

О. М. КУНИЦКАЯ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Рассматриваются теоретические вопросы правовой институционализации с точки зрения поиска оптимальной и универсальной структуры права и определения в ней места для новых нормативных массивов. При изложении сформированных к настоящему времени теоретических основ правовой институционализации рассмотрено ее соотношение со смежными правовыми категориями. Анализируются различные точки зрения, сформулированные специалистами относительно признаков и критериев формирования института права, которые могут отражать его сущность. Исследуются и обобщаются позиции по вопросу о месте комплексного института в правообразовательном процессе и его формальном закреплении. С одной стороны, есть необходимость интегрировать комплексное институциональное образование в систему права, в ту или иную его отрасль. С другой стороны, возникает проблема, связанная с невозможностью включать комплексный институт, образуемый нормами нескольких отраслей права, в одну из отраслей, поскольку сфера регулятивного действия интегрированных в него норм, исходя из их объективных свойств, не может быть ограничена предметом и методом отдельной отрасли права. Выявляются и систематизируются научные достижения в сфере теории правовой институционализации, определяются направления их интерпретации применительно к инвестиционному праву с точки зрения возможности и обоснованности институционализации комплексных отраслей права.

Ключевые слова: инвестиционное право; правовая институционализация; нормы права; институт права; отрасль права; отрасль законодательства; система права.

ON THE QUESTION OF THE INSTITUTIONALISATION OF INVESTMENT LAW (GENERAL PROVISIONS)

O. M. KUNITSKAYA^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The article deals with the issues of the emergence of institutionalisation from the point of view of the universal structure of law. In order to present the theoretical foundations of institutionalisation from emergence of the consideration of its relationship with related legal categories that have been formed to date. An analysis of various points of view, formulations regarding the use of signs and the formation of an institution of rights that may reflect its essence is made. Positions on the issue of the essence of complex legal institutionalisation, the place of a complex institution in the law-forming process, and its formal consolidation are explored and generalised. On the one hand, there is a need to integrate a comprehensive institutional education into the system of law, into one or another branch of law. On the other hand, a problem arises related to the impossibility of a complex institution formed by the norms of several branches of law to enter one of the branches, since the scope of the regulatory action of the norms integrated into it, based on their objective properties, cannot be limited by the subject and method of a separate branch of law. This article identifies and systematises the existing scientific achievements in the field of legal institutionalisation, determines the directions of their interpretation in relation to investment law in terms of the legitimacy and validity of the institutionalisation of complex branches of law.

Keywords: investment law; legal institutionalisation; rules of law; institute of law; branch of law; branch of legislation; system of law.

Образец цитирования:

Куницкая ОМ. К вопросу об институционализации инвестиционного права (общие положения). *Журнал Белорусского государственного университета. Право.* 2022; 3:65–78.

For citation:

Kunitskaya OM. On the question of the institutionalisation of investment law (general provisions). *Journal of the Belarusian State University. Law.* 2022;3:65–78. Russian.

Автор:

Ольга Михайловна Куницкая – кандидат юридических наук, доцент; доцент кафедры хозяйственного права юридического факультета.

Author:

Olga M. Kunitskaya, PhD (law), docent; associate professor at the department of economic law, faculty of law.
volhakun@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-7914-1572>



Введение

Современное инвестиционное законодательство Республики Беларусь характеризуется отсутствием согласованной правовой политики в инвестиционной сфере и рядом иных проблем [1, с. 38; 2, с. 428]. Такая ситуация складывается на фоне возникновения новых институтов (например, коллективное инвестирование, особые экономические зоны, государственно-частное партнерство, первичное размещение цифровых токенов (цифровые инвестиции) и др.) и отсутствия их системного регулирования.

Усложнение отношений в инвестиционной сфере и ее расширение приводят еще и к тому, что границы институтов инвестиционного права становятся подвижными. Так, исключение государства из числа инвесторов требует изменить формы и методы государственного регулирования инвестиционной деятельности. Появление среди объектов гражданских прав цифровых знаков (токенов) дополняет меры защиты прав инвесторов и их инвестиций. Определение и законодательное закрепление предмета инвестиционного договора с Республикой Беларусь потребовало включить в Закон Республики Беларусь от 12 июля 2013 г. № 53-З «Об инвестициях» понятие «инвестиционный проект» и т. п.

В сложившихся условиях существенную помощь в разрешении указанных практических проблем может оказать теоретическое обоснование институционализации инвестиционного права. Правовые институты обладают возможностью своевременно реагировать на происходящие в обществе изменения. Правовая институционализация не только при-

водит в порядок систему права, но и способствует ее интеграции с иными социальными институтами и регуляторами, а также развитию в единстве с проводимой государственной экономической и социальной политикой.

На данный момент издано достаточное количество научных работ, посвященных исследованию проблемных правовых вопросов осуществления инвестиций. В Республике Беларусь различные аспекты правового регулирования соответствующих общественных отношений анализировались такими авторами, как О. А. Бакиновская и Ю. А. Амелъченя¹, В. С. Каменков², В. В. Паращенко³, В. Г. Тихиня⁴, Я. И. Функ⁵, О. В. Цегельник⁶, А. П. Шевченко⁷ и др.

Изучению инвестиционных отношений посвящали свои труды А. Г. Богатырев⁸, М. М. Богуславский⁹, А. В. Ведерников¹⁰, И. А. Вдовин¹¹, Н. Н. Вознесенская¹², В. В. Гуцин и А. А. Овчинников¹³, И. З. Фархутдинов и В. А. Трапезников¹⁴ и другие российские ученые.

Бесомый вклад в формирование теории инвестиционного права внесли известные казахстанские ученые Д. А. Даутбаева¹⁵, Ф. С. Карагусов¹⁶, С. П. Мороз¹⁷, М. К. Сулейменов¹⁸ и др.

Концептуальные основы системы инвестиционного права, понимание сущности его правовых институтов, их структурирования и систематизации пока не сложились таким образом, чтобы быть очевидными и однозначными. Отдельные положения содержатся в трудах указанных ученых, но институциональная методология для исследования пра-

¹Бакиновская О. А., Амелъченя Ю. А. Пособие по инвестиционному праву : в 2 ч. [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «Юрспектр». Минск, 2022.

²Каменков В. С. Инвестиционная деятельность: правовое регулирование и судебная практика в Республике Беларусь // Вестн. Высш. хоз. суда Респ. Беларусь. 2003. № 14. С. 50–58.

³Паращенко В. В. Способы осуществления инвестиций в Республике Беларусь: состояние и перспективы правового регулирования // Вестн. Моск. ун-та МВД. 2014. № 11. С. 85–91.

⁴Тихиня В. Г. Иностранные инвестиции в Республике Беларусь: международно-правовые стандарты // Юстиция Беларуси. 2012. № 3. С. 45–48.

⁵Функ Я. И. Иностранные инвестиции в Республике Беларусь: комментарий к разд. 4 Инвестиционного кодекса Республики Беларусь. Минск : Амалфея, 2002. 175 с.

⁶Цегельник О. В. Инвестиционное обязательство при купле-продаже предприятия, акций, принадлежащих государству, по конкурсу в процессе приватизации. Минск : Тесей, 2011. 206 с.

⁷Шевченко А. П. Инвестиционные договоры с иностранным инвестором в праве Республики Беларусь : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03. Минск, 2012. 127 с.

⁸Богатырев А. Г. Инвестиционное право. М. : Рос. право, 1992. 272 с.

⁹Богуславский М. М. Иностранные инвестиции: правовое регулирование. М. : БЕК, 1996. 462 с.

¹⁰Ведерников А. В. Иностранные инвестиции в Российской Федерации. Правовые аспекты : автореф. ... дис. канд. юрид. наук : 12.00.03. Екатеринбург, 2004. 22 с.

¹¹Вдовин И. А. Механизм правового регулирования инвестиционной деятельности: исторический и теоретико-правовой анализ : автореф. ... дис. д-ра юрид. наук : 12.00.01. СПб., 2002. 45 с.

¹²Вознесенская Н. Н. Правовое регулирование и защита иностранных инвестиций в России. М. : Волтерс Клувер, 2011. 312 с.

¹³Гуцин В. В., Овчинников А. А. Инвестиционное право. М., 2009. 624 с.

¹⁴Фархутдинов И. З., Трапезников В. А. Инвестиционное право. М. : Волтерс Клувер, 2006. 432 с.

¹⁵Даутбаева Д. А. Правовое регулирование инвестиционной деятельности: международный и национальный аспекты : дис. ... д-ра филос. наук. Усть-Каменогорск, 2011. 171 с.

¹⁶Карагусов Ф. С. Об отраслевой классификации гражданского права и комплексных отраслях права // Рос. право : образование, практика, наука. 2011. № 6. С. 75–83.

¹⁷Мороз С. П. Теоретические проблемы инвестиционного права: гражданско-правовой аспект : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.03. Алма-Ата, 2005. 54 с.

¹⁸Сулейменов М. К. Право и внешнеэкономическая деятельность в Республике Казахстан. Алма-Ата : КазГЮА, 2001. 483 с.

вовых явлений ими практически не применяется в необходимой мере или настолько, чтобы считать проблему решенной. Между тем вряд ли современная правовая система может существовать без правовой институционализации. Системность правовых норм предопределила использование институционального подхода к исследованию правовых явлений.

В особое направление выдвинулось изучение проблем интеграции комплексных правовых общностей в контексте институционализации и объективно обусловленных закономерностей развития права [3, с. 319–332; 4, с. 406; 5, с. 52].

В современной юридической науке раскрываются понятие «правовой институт», механизм его образования и действия, однако существуют различные позиции и подходы по ряду вопросов в этой области.

Актуальность исследования институционализации инвестиционного права связана с необходимостью решить проблемы определения его места в системе права Республики Беларусь и в последова-

тельном формировании отраслей права, предотвращения неоправданного увеличения количества отраслей права. Нужно уделить должное внимание вопросам определения критериев разграничения отраслей права, существования комплексных правовых образований, соотношения отраслей законодательства и отраслей права, а также иным вопросам, которые являются базовыми и имеют бесспорную теоретическую значимость для научного определения инвестиционного права и его институционализации как правового образования в системе права Республики Беларусь.

Цель исследования – формирование концептуального представления о правовой институционализации и институтах права в контексте их системной юридической природы и комплексного характера с учетом последних достижений науки. Ставятся задачи определить различные свойства исследуемых правовых явлений, их значение в единой системе права и другие общие положения с тем, чтобы решить вопросы правовой институционализации инвестиционного права.

Материалы и методы исследования

Чтобы получить объективные достоверные знания, требуется применение совокупности определенных правил, средств, принципов научного познания. Для решения практических задач настоящего правового исследования значительный интерес представляют системный и структурно-функциональный методы, а также методы моделирования и формализации. Они позволят рассмотреть институты права в их взаимосвязи и взаимодействии в процессе правовой институционализации. В ходе исследования выявлялись внутренние свойства и связи структурных элементов системы права в целом и внутри отраслей права.

Методология научного исследования опирается на общетеоретические и разноотраслевые достиже-

ния. Выявляются комплексно-системные проблемы теоретического и практического свойства при использовании интегрированных обобщений доктринальных подходов.

Отраслевые понятия должны содержательно укладываться в общетеоретические, они не могут принципиально расходиться, чтобы не исказить отражение реальности и не повлечь дефекты в правовом регулировании. Системное представление о праве предполагает его внутреннее упорядочение, выражающееся в группировке норм права, в первую очередь по институтам, что вместе с организацией системы законодательства способствует соответствию права таким критериям, как логичность и полнота.

Результаты и их обсуждение

Феномен институционализации заключается в его формализации как своеобразного способа правового реагирования на динамично меняющиеся общественные отношения, предотвращения их неупорядоченного развития. Становление правовых институтов и их преобразование в рамках современного институционального подхода происходят «в непосредственной связи с обновлением государственных и общественных институтов, что создает необходимые предпосылки для поступательного социально-экономического развития страны, полно раскрывает потенциал права в качестве эффективного средства в системе управления обществом, формирования его социального запроса» [6, с. 16].

Ученые выявили, что система права включает в себя его нормы, объединяющиеся в подынституты

и институты права, которые, в свою очередь, являются элементами отдельных отраслей права [7, с. 51], каждая из которых представляет собой сложное правовое явление со своей уникальной внутренней системой, одним из элементов которой выступает правовой институт [8, с. 93].

В теории права практически устоялось мнение о том, что «определяющим содержательным компонентом в институциональном процессе следует признать правовую норму» [9, с. 64], которая «несет информацию о наличии институциональных признаков того или иного правового явления, социальных фактах, выражающих его институциональную природу, наполняя регулятивную сущность права» [10, с. 210–211]. Институционализация позволяет «сгруппировать близкие по содержанию

общественные отношения, упорядочить их соотносимо с нормами, ценностями, интересами и задачами общества и государства» [4, с. 398].

В. М. Левченко считает, что «институт права – это объективно обособившаяся внутри одной отрасли или нескольких отраслей права совокупность взаимосвязанных юридических норм, регулирующих небольшую группу видовых родственных отношений» [11, с. 233].

В юридической науке выделяют специальные (простые) и общие (сложные) институты права. Считается, что простые институты права, в отличие от сложных, «входят в структуру только одной отрасли права, не могут носить межотраслевого характера, не содержат отсылочных или бланкетных правовых норм» [12, с. 24]. Л. И. Дембо также установил, что «в системе права действуют неравные по объему институты права, и отдельные правовые институты включают в себя несколько других, имеющих более простую конструкцию, но при этом самостоятельное значение» [8, с. 93].

Таким образом, определяя данную категорию, авторы допускают обособление норм права в структуре не одной, а нескольких его отраслей.

В. М. Сырых к основным признакам правового института относит юридическое единство правовых норм (единство их содержания), полноту регулирования определенного вида общественных отношений (правовой институт включает в себя различные виды (набор) правовых норм, которыми могут быть дефиниции, управомочивающие, обязывающие, запрещающие и другие нормы), обособление норм, образующих правовой институт, в главах, разделах и других структурных единицах одного акта или в связанных между собой нескольких нормативных правовых актах [13, с. 274–275].

Е. А. Джалилова выделяет следующие признаки правового института: комплексность норм, как правило, связанных между собой предметом регулирования, которые не могут действовать вне сочетания с другими нормами, совместно образующими правовой институт; воздействие на регулирование правовых отношений в определенной сфере или обстоятельствах; систематизация норм по предмету регулирования, который составляют схожие общественные отношения в определенной последовательности, в основном по логике их применения субъектами; единство и законодательный замысел, на основе которых связываются нормы права по признаку общности законодательного замысла; структурность. Институт права определяет круг объектов и субъектов и их правовой статус в рамках тех отношений, которые он призван регулировать [12, с. 29].

Некоторые авторы считают, что в качестве признаков правового института должны выступать од-

нородность фактического содержания, юридическое единство правовых норм, нормативная обособленность, т. е. группировка образующих правовой институт норм в главах, разделах, иных структурных частях нормативного правового акта, полнота регулируемых отношений [14, с. 211].

С точки зрения Е. А. Киримовой, «правовой институт как структурный элемент системы права обладает такими признаками, как относительная самостоятельность, специфичность способа правового регулирования, наличие или принципиальная возможность формирования общих понятий в рамках видовых явлений»¹⁹.

Д. Е. Петров называет следующие «признаки правового института: комплекс, определенная совокупность правовых норм, воздействие на отношения определенного вида, наличие в структуре отправных норм, внутренняя организованность норм, составляющих правовой институт» [15, с. 41–42].

Если обобщить указанные положения, то в состав признаков института права, как правило, включаются единство содержания правовых норм; их связанность между собой предметом регулирования и невозможность действовать вне сочетания с другими нормами, совместно образующими правовой институт; связь норм права по признаку общности законодательного замысла; регулирование определенного вида общественных отношений; структурность (определен круг объектов и субъектов, их правовой статус); принципиальная возможность формировать общие понятия в рамках видовых явлений; обособление норм, образующих правовой институт, в главах, разделах нормативного правового акта.

При наличии разных трактовок понятия современные исследователи в большинстве случаев воспринимают институционализацию как процесс образования (формирования) правовых институтов.

При этом «институционализация – процесс образования институтов права в порядке систематизации норм права» [16, с. 109]. Вероятно, в основе данного утверждения лежит «консолидирующее значение правового института в институциональном строении современной системы права» [17, с. 78], модель деления которой «реализована в формальном построении норм внутри многих законов» [18, с. 87]. Достаточно часто можно наблюдать, что за основу существования того или иного правового института авторы принимают наличие соответствующего раздела (подраздела), иного структурного элемента нормативного правового акта (как правило, законодательного). Действительно, институты права распределяются в данные структурные части при правотворческой систематизации, поскольку норма права «находит выражение в статьях, пунктах

¹⁹Киримова Е. А. Правовой институт (теоретико-правовое исследование) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01. Саратов, 1998. С. 14.

и подпунктах закона или подзаконного акта в виде властного предписания о возможной или должной модели регулирования общественных отношений, поведения или деятельности и соответствующем статусе их участников» [16, с. 111].

Тем не менее есть идея об «определяющем значении в институциональном процессе содержательного компонента, согласно которой создание правовых институтов не зависит от их формального признания со стороны законодателя»²⁰, и «первичным является тот институт права, который существует до его законодательного признания, а сегмент законодательства рассматривается как реакция государства на потребность в императивном регулировании отношений, составляющих предмет соответствующего правового института» [19, с. 80].

Еще со времен СССР, когда формировались основные подходы к системе права, стало известно об общем и неоспоримом элементе институционализации – формализации права [20, с. 45]. Возможно, такая ситуация будет наблюдаться в отношении некоторых отраслей права (уголовного, административного, финансового), но «появляются институты, не получившие формального правового закрепления, и, например, в договорном и корпоративном регулировании в гражданских правоотношениях полномочия по их регламентации предоставлены самим участникам правоотношений» [21, с. 23]. Более того, «концепция формализации не объясняет формирования так называемых комплексных правовых институтов, нормы которых рассредоточены в разных правовых актах» [21, с. 23].

Тем не менее без актов законодательства, формализующих правовые нормы, говорить об институтах достаточно сложно, поскольку затруднительно представить, как они образуются на практике.

В системе правовых категорий правовая институционализация неизбежно конкурирует с такими смежными правовыми категориями, как правообразование, правотворчество и правовое регулирование, что, по мнению Р. Г. Валиева, оправдано, поскольку, «будучи тесно связанными между собой как этапы действия права, они так или иначе выражают организационно-правовые аспекты процесса складывания и закрепления порядка общественного развития» [16, с. 112]. Во всем многообразии трактовок правообразование представляется объективным процессом, поскольку это естественный, исторически сложившийся способ формирования права. Правотворчество рассматривается как заключительная стадия правообразовательного процесса. Также правообразование и правотворчество вос-

принимаются тождественными в силу зависимости этих процессов от субъективного начала, «однако правотворчество характеризуется деятельностным аспектом, и основополагающими выступают моделирование и систематизация норм права» [16, с. 112]. В связи с этим Р. Г. Валиев предлагает различать институционализацию права и правовую институционализацию. В контексте связи с правотворчеством правовая институционализация является неотъемлемой частью, системообразующей составляющей правотворчества и институционализации позитивного права. Правовая институционализация дополняет правотворчество как процесс создания норм права посредством их систематизации, но «в отличие от правотворчества позволяет выражать и те процессы юридической легализации социальных идей, которые не охватываются государственным правотворчеством и правовым регулированием (например, правовая институционализация адвокатской этики)» [16, с. 113].

Некоторые авторы пытаются найти ответ на вопрос о том, как с точки зрения политологии, социологии, антропологии, экономики, права возникают институты, как они функционируют, сохраняют стабильность и трансформируются [22, с. 233]. Предполагается, что «социальные связи, лежащие в основе социальных институтов, называются институциональными, а сам процесс придания этим связям упорядоченного, нормативного характера именуется институционализацией»²¹. В политологии она рассматривается и как «учреждение, создание, формирование новых институтов», и как «закрепление, укоренение и стабилизация уже существующих институтов» [22, с. 234].

В праве понимание институционализации связано с общим подходом к понятию «правовой институт», точки зрения по формализации которого пока не отличаются единством. Понятие «институт» (лат. *institutum* – установление, учреждение) – одно из центральных в праве при изучении его системы, и, как справедливо замечено, «право “работает” не через нормы, а через институты»²². К. А. Кононов в своем теоретико-методологическом исследовании конституционно-правового института делает вывод, что «...критериями выделения институтов выступают только предмет и метод правового регулирования. Дополнительные критерии являются либо признаками института, либо элементами отраслевого метода правового регулирования» [23, с. 5]. Ученый считает понятие «критерий институционализации» юридически значимым параметром, прилагаемым к правовым нормам в целях выявления их общих

²⁰Веденин В. С. Влияние правопонимания на становление и развитие институтов российского права (на примере патентного права) : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01. Владимир, 2007. С. 82.

²¹Кононов К. А. Идеологическое многообразие как институт российского конституционного права : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02. М., 2009. С. 49.

²²Там же. С. 66–69.

черт в процессе институционализации, а «...признак института есть его внутреннее системное свойство, характеризующее институт как единую правовую общность. Если же признать предмет и метод не критериями интеграции норм в правовые общности, а их признаками, между категориями отрасли права и правового института будут стерты всякие видимые грани, необходимо строго различать критерии институционализации и признаки правового института» [23, с. 6].

Критерий о методе добавился к критерию о предмете не сразу. Для понимания определяются основные элементы метода правового регулирования: характер общего юридического положения участников общественных отношений (статус), который проявляется в отношениях равенства, состояния власти и подчинения или связанности «трудовым режимом» и т. д.; характер оснований возникновения, изменения и приостановления правоотношений (особенности юридических факторов); характер формирования содержания прав и обязанностей субъектов; характер юридической санкции, способов, процедур и оснований для их применения [24, с. 134].

Н. В. Кешикова предлагает рассматривать институционализацию как циклический процесс с позиций процессного подхода, что позволит отслеживать ее ход и реализацию на каждой из стадий в их взаимосвязи. Указанный автор на примере институционализации порядка формирования государственных органов выделяет следующие этапы: «...возникновение потребности в создании неких государственных органов (стадия мотивации); появление в ходе стихийного взаимодействия (методом проб и ошибок) заинтересованных субъектов и участников норм и правил, появление процедур, последующее принятие, практическое применение этих норм и процедур, установление и дифференциация санкций для их обеспечения и защиты (стадия формализации); создание системы политико-правовых статусов и компетенций, охватывающих всех субъектов и участников (стадия конкретизации); создание государственных и негосударственных организаций, регулирующих, упорядочивающих функционирование порядка формирования государственных органов и осуществляющих соответствующую деятельность по их институционализации и воспроизводству (стадия структуризации). Отсутствие хотя бы одной из этих стадий делает институционализацию порядка формирования государственных органов незавершенной, неполной и, в конечном счете, несостоявшейся» [25, с. 23–24]. В результате заданный порядок «приобретает признаки системности и стабильности, способности к эффективной реализации своего социального предназначения» [26, с. 28].

При разрешении вопросов о порядке формирования правовых институтов, их объединения в отдельные отрасли права теоретики права указывают, что «...правовым институтом охватывается определенный вид общественных отношений, и в его состав включается совокупность правовых норм, предметом которых является соответствующий вид общественных отношений. В свою очередь, правовые институты образуют отрасль права, объединяющую группу общественных отношений. Причем выделение отдельных правовых институтов и их объединение в самостоятельную отрасль права является объективным, оно не подвергается субъективной корректировке, модификации или изобретению по воле отдельных субъектов, поскольку институты формируют отрасль в результате того, что родственные по общим свойствам группы общественных отношений объективно объединяются в одну большую группу общественных отношений» [27, с. 179].

Указанные родственность, однородность общественных отношений, регулируемых нормами правового института, по мнению Ф. С. Карагузова, определяются совокупностью и соотношением таких признаков, как предмет регулирования (например, равноправный обмен материальными и нематериальными благами, соблюдение правопорядка, исполнение трудовой функции и др.), правовое положение субъектов правоотношения относительно друг друга и условия их взаимодействия (например, равноправный статус субъектов и отсутствие подчиненности одного из них другому в рамках соответствующего правоотношения), применяемые методы регулирования поведения этих субъектов в рамках соответствующих правоотношений (например, императивные предписания или предоставление свободы определения условий взаимоотношений между субъектами)²³.

На основе этих критериев сформировались основные отрасли права и известные правовые институты.

У некоторых авторов критерии институционализации перечислены в ином составе: «...предмет регулирования, объективность формирования (независимость от воли и желания законодателя), обособленность внутри отрасли, в том числе формально-юридическая обособленность в структуре форм права, устойчивость норм, наличие особого механизма правового регулирования, всесторонность и полнота правового регулирования общественных отношений» [28, с. 46]. Несмотря на логическую противоречивость и спорность некоторых критериев, вносится определенный значимый вклад в развитие мысли о критериях правовой институционализации.

Примечательно, что зарубежная практика (например, французское право) исходит из того, что «право-

²³Карагузов Ф. С. Об отраслевой классификации... С. 79.

вой институт формируется единством цели регулирования, предполагающей устранение правовой неопределенности, порожденной раздробленностью источников права (исключительно функциональный критерий законотворчества, направленный на обеспечение возможности легко находить все подлежащие применению в данном случае правовые нормы)» [29, с. 21]. Таким образом, объединяя какую-либо совокупность правовых норм в состав законодательного акта, законодатель руководствуется не однородностью регулируемых правоотношений, а их взаимосвязанностью [29, с. 108].

Ф. С. Карагузов, считающий обособленным разделением отраслей права и отраслей законодательства, считает комплексные отрасли права или комплексные правовые институты формой институционализации развивающихся общественно-экономических отношений. И, если существуют комплексные отрасли права, значит есть правовые институты, формирующие их, и можно обосновать наличие особых требований к структуре комплексных отраслей ввиду их вторичности. Автор считает существование комплексных отраслей законодательства (некомплексных отраслей права) обоснованным, а рассмотрение правового института, сформированного в рамках одной отрасли права, одновременно в качестве правового института комплексной отрасли права – необоснованным. Только одни и те же нормы права могут входить в разные институты²⁴.

С. Н. Братусь, разделяя систему права и систему законодательства, отмечает, что «в отличие от системы права, складывающейся на основе строго определенных классификационных признаков, обусловленных характером регулируемых общественных отношений, система законодательства может иметь в значительной мере субъективный характер... и в одном и том же законодательном акте часто содержатся нормы различных отраслей права» [27, с. 329–330].

Но надо заметить, что если в начале формирования отрасли права ее определяет соответствующее законодательство, то впоследствии диалектическая связь и зависимость системы права от системы законодательства состоят в том, что уже сформировавшаяся система отрасли права воздействует и во многом предопределяет систему законодательства. При этом при формировании нового института извлечение определенной группы норм может производиться как из одного, так и из нескольких нормативных правовых актов, могут быть скорректированы или даже введены новые нормы, может быть изменено само содержание правового регулирования²⁵.

По замечанию Р. Г. Валиева, «...в системе права имеются нормативные массивы, которые выходят

за рамки отраслей права и проявляют себя на межотраслевом и общеправовом уровне, основой отраслевых связей выступают институциональные связи норм права. Поэтому институты права имеют статус первичных системных нормативных образований по отношению к отраслям права» [16, с. 107].

Комплексный институт обособляется и объективируется в законодательстве не только благодаря его внешнему выделению по форме, но и вследствие объединения (при посредстве разноотраслевых правовых норм) общими положениями, принципами, задачами в целях их межотраслевого согласования [30, с. 80].

Предполагается, что через институты устанавливается непосредственная связь системы права с системой законодательства [6, с. 21]. Но такая позиция разделяется далеко не всеми современными теоретиками. Например, В. Н. Карташов отрицает возможность исследования права через категории «система права» и «система законодательства» [31, с. 160–170].

При установлении такой связи функциональное обособление комплексного правового института позволяет более эффективно развивать как сам институт, сформированный в системе права, так и законодательство, принятое в соответствующей сфере как его внешнее проявление.

Однозначные разработанные теоретические положения относительно правил применения межотраслевых правовых институтов в литературе сложно обнаружить. К тому же в современной правовой науке наблюдается разнообразие взглядов относительно понятия «система права». Вместе с тем разработано и поддерживается большинство понимание системы права как «объективного явления, так как происхождение права и присущей ему системности детерминировано процессом естественно-исторического развития» [32, с. 166–167]. «Общественные отношения, которые опосредуются правом и которые составляют предмет правового регулирования, исторически и генетически обуславливают системность права» [33, с. 254]. Однако для выражения на практике и реализации права системность должна обнаруживаться в систематизации права, которая, в свою очередь, обеспечивается усилиями законодателя как субъективное явление. При этом «эффективность права достигается, когда систематизация права соответствует системности права» [33, с. 254].

Следует учитывать, что в теории права содержание понятия «система права» по-разному трактуется в пределах типов правопонимания. Отсюда и различный выбор критериев и системообразующих факторов, детерминирующих систему права. Так, у позитивистов сложилось мнение, что система права – это его внутреннее строение, т. е. в данном случае происходит отождествление понятий «система

²⁴Карагузов Ф. С. Об отраслевой классификации... С. 79.

²⁵Байтин М. И., Петров Д. Е. Соотношение отрасли права и отрасли законодательства // Правоведение. 2004. № 4. С. 29–40.

права» и «структура права» (строение системы права представлено отраслевым делением). Представители социологического понимания права критерием построения системы права считают специфику отдельных видов общественных отношений, проявляющуюся в нормах правового регулирования, особом методе и правовых принципах [32, с. 166–169; 34, с. 90]. В рамках естественно-правового понимания систему права формируют общечеловеческие ценности, идеи и принципы, получившие закрепление в правовой норме и юридической практике [35, с. 10–11].

Необходимость реформировать учение о системе права и подходы, определяющие ее строение и структуру, связывают с появлением комплексных отраслей права, образуемых не вследствие отпочкования от первоначальной отрасли дочерних, а вследствие межотраслевого синтеза норм из разных отраслей ввиду появления новой, более сложной, области правового регулирования [36, с. 120].

Поэтому в последнее время все чаще звучат предложения о переосмыслении и корректировке отраслевого деления права в пределах предмета и метода правового регулирования. При дифференциации и интеграции правовых норм следует учитывать влияние системообразующих факторов, которые определяются спецификой отношений в различных сферах общественной жизни и формами их институционализации. При этом отраслевое деление должно включать и комплексные правовые общности, предмет и метод правового регулирования которых не совпадают по типу и режиму правового регулирования. При построении системы права смешанные правовые образования следует рассматривать через призму развития комплексных структурных элементов системы права с учетом особенностей типа и режима правового регулирования [35, с. 12].

Т. Я. Хабриева отмечает, что «...с появлением новых уровней организации право все более дифференцируется, в нем формируются новые, относительно самостоятельные, подсистемы, структуры, которые не могут быть идентифицированы и отнесены к числу известных элементов системы права (отраслей, подотраслей, институтов), а “традиционный” подход к категорированию правовых массивов не позволяет раскрыть природу рассматриваемого явления. Не обеспечивает решение этой задачи в полной мере и теоретическая концепция комплексного правового регулирования, нацеливающая на идентификацию в системе права комплексных образований посредством использования

критерия сочетания методов публичного и частного права, а также более детальных методов регулирования» [37, с. 11].

Упомянутым автором выдвинуто предположение о существовании и функционировании в системе права нетипичных нормативных массивов и переходе системы права к новому типу структурной организации. Циклические правовые массивы (название взято по аналогии с моделью химических соединений, образованных в результате реакции циклизации), где первичным элементом являются кросс-отраслевые юридические нормы, которые своеобразно ведут себя внутри системы права, создают специфические связи и занимают в ней особое место, не проявляют тенденции к обособлению, подобно отраслям или институтам права, а, наоборот, демонстрируют способность проникать в большинство элементов системы права, взаимодействовать с ними, определять их содержание, функционирование, а также векторы и темпы преобразований. Этот механизм в корне отличается от генезиса комплексных правовых образований, которые используют юридические нормы из основных (базовых) отраслей права. Циклические правовые массивы, напротив, внедряются в уже сформировавшиеся правовые образования, прогрессируют в них, обуславливают их динамику, а когда преодолевают определенный рубеж собственного роста, разрушают «материнскую» среду, давая начало процессам генерации новых структур в системе права [37, с. 14]. Как нам представляется, в обоих случаях и комплексные правовые образования, и циклические правовые массивы возникают в некоей «материнской» среде, первоначальной (базовой) отрасли. Остается нерешенным вопрос о том, как институционализируются комплексные правовые институты, образованные путем межотраслевого синтеза норм, в случае, когда определить базовую отрасль невозможно.

Большинство специалистов в области инвестиционного права признают его как комплексную отрасль права²⁶. Надо полагать, свои выводы данные ученые делали на основе теории комплексных отраслей права, имеющей определенную методологическую основу для их идентификации и разграничения.

По мнению В. Н. Протасова, комплексные отрасли строятся на принципиально иных, по сравнению с основными (традиционными) отраслями, началах, формирование которых идет от юридического начала – метода. Формирование же комплексных отраслей происходит от социального начала, т. е. пред-

²⁶Богатырев А. Г. Инвестиционное право. М. : Рос. право, 1992. С. 52 ; Доронина Н. Г. Правовое регулирование иностранных инвестиций (постановка проблем и варианты решений) : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.03. М., 1996. С. 15, 37 ; Мороз С. П. Инвестиционное право Республики Казахстан. Алма-Ата : НИИ част. права КазГЮУ, 2006. С. 56 ; Лисица В. Н. Инвестиционное право России как комплексная отрасль российского права // Вестн. НГУ. Сер. «Право». 2008. Т. 4, вып. 1. С. 20 ; Гуцин В. В., Овчинников А. А. Инвестиционное право : учеб. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Эксмо, 2009. С. 21–25 ; Фархутдинов И. З., Трапезников В. А. Инвестиционное право : учеб. и практикум. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2022. С. 15.

мета. Предмет комплексной отрасли юридически разнороден, но целостен и представляет собой определенную социальную систему [38, с. 149]. При этом есть авторы, которые соглашались с существованием только комплексных отраслей законодательства, но никак не с существованием комплексных отраслей права [9, с. 298].

Основная трудность состоит в том, что существующие правовые общности, регулирующие новые сферы деятельности, в полном объеме не подпадают ни под одну из исследуемых правовых категорий. Если признавать в качестве критериев выделения отраслей права в системе права предмет и метод правового регулирования, то в этой системе вряд ли смогут существовать комплексные отрасли права. А если бы существовали, то в таком случае неясно, как выделялись бы самостоятельные отрасли права.

Отрасли законодательства, учитывая их соотношение с отраслями права, можно выделить «на основе предметного критерия, функционального критерия, критерия по виду общественной деятельности или их сочетания, когда отрасль законодательства не совпадает ни с одной отраслью права, а состоит из норм различных отраслей права» [39, с. 201]. М. Ф. Матюнин утверждает, что «комплексные образования могут существовать на уровне межотраслевых институтов права» [39, с. 199].

Имеются предложения о делении отраслей права на первичные и вторичные и отнесении к последним именно комплексных отраслей права, имеющих производный, обусловленный или зависимый от основных отраслей права характер. Выделение комплексных отраслей объясняется тем, что их нормами регулируются и публичные, и частные отношения, причем и методами равенства, и методами власти подчинения в различных сочетаниях²⁷. По мнению М. К. Сулейменова, комплексные отрасли (как и комплексные правовые институты) формируются не за счет объединения нескольких институтов других отраслей права, а за счет комбинации правовых норм, входящих в состав различных правовых институтов²⁸.

В. Н. Лисица называет инвестиционное право «межотраслевым образованием, объединяющим нормы частного и публичного права, а составляющие эти нормы нормативные правовые акты – комплексной отраслью законодательства – инвестиционным законодательством» [40, с. 27]. Таким образом, авторы квалифицируют ее как комплексную отрасль права, поскольку она включает в себя нормы частного, публичного и международного права [41, с. 46].

С. П. Мороз отмечает, что инвестиционное право представляет собой цельное правовое образование, имеющее признаком единство составляющих его

институтов и объединяющее нормы различных отраслей права [42, с. 18]. Автор считает, что «...институты инвестиционного права различаются между собой по объему и характеру воздействия на инвестиционные отношения и характеризуются тем, что образующие их нормы одновременно с этим составляют предмет регулирования других (основных) отраслей права. Дифференциация правовых институтов в рамках комплексной отрасли права производится с учетом того, насколько специфична и самостоятельна та или иная группа (совокупность) правовых норм. Сами правовые институты могут быть сгруппированы в две большие общности, получившие в теории права название “части” отрасли права – общая и особенная» [42, с. 20].

И. З. Фархутдинов и В. А. Трапезников полагают, что «институт инвестиционного права – это объективно обусловленная структура, состоящая из норм инвестиционного права, объединенная в единый правоприменительный комплекс, согласованно регулирующий качественно однородный вид общественных отношений в сфере инвестиционной деятельности» [43, с. 22]. Ученые особо обращают внимание на то, что «...в инвестиционном праве важное значение имеет межотраслевое согласование, призванное помочь научно-теоретическому обоснованию места отрасли права в правовой системе. Тесная взаимосвязанность и взаимосогласованность отраслей права, призванных регламентировать инвестиционную деятельность, предполагает существование межотраслевых, комплексных нормативных правовых актов» [43, с. 9]. Указанные авторы утверждают, что «базовой правовой системой регулирования инвестиционных отношений является гражданское право» [43, с. 11].

Возникают вопросы о том, может ли быть самостоятельной совокупность правовых норм, которые составляют предмет регулирования разных отраслей права, и могут ли такие нормы согласованно регулировать отношения, а также о том, действительно ли однородны эти отношения.

Некоторые авторы отмечают, что «инвестиционное право возникло в недрах предпринимательского права, отделилось от него и образовало комплексную отрасль в системе права, т. е. как институт предпринимательского права оно не признается, инвестиционное право видится подотраслью предпринимательского права» [44, с. 12]. Инвестиционное право как подотрасль хозяйственного права рассматривают Ю. П. Гаврильченко [45, с. 37] и О. В. Цегельник [46, с. 52].

Инвестиционное право также рассматривается в системе финансового права и признается подотраслью финансового права [47, с. 39].

²⁷ Сулейменов М. К. Предмет, метод и система гражданского права: проблемы теории и практики [Электронный ресурс]. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30458227 (дата обращения: 01.10.2022).

²⁸ Он же. Всегда ли инвестиционная деятельность является предпринимательской? [Электронный ресурс]. URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=31101913&show_di=1#sub_id=0 (дата обращения: 01.10.2022).

Достаточно оригинальной является точка зрения А. В. Поповой, которая предлагает ввести в научный оборот дефиницию «комплексное правовое образование». Автор утверждает, что «инвестиционное право представляет собой отдельный структурный элемент системы права... что инвестиционное право – комплексная отрасль законодательства, объединяющая нормы различной отраслевой принадлеж-

ности (гражданского, международного, финансового, банковского законодательства), и отдельные части инвестиционного права (инвестиции, инвестиционная политика, инвестиционная деятельность и др.) являются межотраслевыми (комплексными) правовыми институтами, а инвестиционное право в целом – объединением комплексных (межотраслевых) институтов» [48, с. 120].

Заключение

По результатам проведенного исследования можно сформулировать следующие выводы.

1. Правовая институционализация дает возможность сгруппировать близкие по содержанию общественные отношения, упорядочить их в соответствии с нормами, ценностями, интересами и задачами общества и государства в порядке систематизации норм права. Значение правовой институционализации состоит в правовом признании института, установлении его места и роли в системе права и законодательства.

У современных исследователей в большинстве случаев институционализация воспринимается как процесс образования (формирования) правовых институтов.

Несмотря на то что устоялось мнение о формализации права как неоспоримом элементе институционализации, теорией права выработаны идеи об определяющем значении в институциональном процессе содержательного компонента, когда создание правовых институтов не зависит от их формального признания со стороны законодателя. К тому же концепция формализации не объясняет формирование так называемых комплексных правовых институтов, нормы которых рассредоточены в правовых актах разной отраслевой принадлежности.

2. В контексте связи с правотворчеством правовая институционализация является его неотъемлемой частью, дополняя правотворчество как процесс создания норм права их систематизацией, но, в отличие от правотворчества, позволяет выражать и те процессы юридической легализации социальных идей, которые не охватываются государственным правотворчеством и правовым регулированием. При этом если правовая институционализация какого-либо правового института определяет процесс его становления в качестве такового, то правовое регулирование выступает юридическим инструментом его институционализации.

3. Институционализацию права нужно рассматривать с позиций процессного подхода как совокупность определенных стадий, что позволит отслеживать ее ход и реализацию на каждой из стадий в их взаимосвязи. Отсутствие хотя бы одной из стадий делает институционализацию незавершенной, несостоявшейся. В научной литературе среди стадий институционализации названы мотивация, формализация, конкретизация, структуризация.

4. Четкое определение критериев правовой институционализации является первостепенным, поскольку с их помощью можно решить вопросы о наличии института вообще и об объеме, в котором в законодательстве отражена юридическая конструкция нормативного выражения института. При этом важно не именовать институтами те правовые явления, которые к ним не относятся.

Как показал анализ, к основным критериям формирования правовых институтов, которые практически приравнены к критериям основных отраслей права, относятся предмет регулирования и применяемые для регулирования поведения субъектов в рамках соответствующих правоотношений методы.

Выделяется дополнительная институционализация права, например, когда правовой институт формируется единством цели регулирования, предполагающей устранение правовой неопределенности, порожденной раздробленностью источников права (функциональный критерий законотворчества, позволяющий руководствоваться не однородностью регулируемых правоотношений, а их взаимосвязанностью).

5. Основные признаки правового института следующие: юридическое единство правовых норм (единство их содержания), полнота регулирования определенного вида общественных отношений (правовой институт включает в себя различные виды (набор) правовых норм, например дефиниции, управомочивающие, обязывающие, запрещающие и другие нормы), обособление норм, образующих правовой институт, как формально, так и содержательно и т. д.

Заметим, допускается видение института права как объективного обособления взаимосвязанных юридических норм, регулирующих небольшую группу видовых родственных отношений, как внутри одной отрасли, так и внутри нескольких отраслей права.

При выделении институтов в системе инвестиционного права должны быть обоснованы указанные признаки (как и критерии правовой институционализации).

6. Теоретико-методологические проблемы возникают при определении правовой сущности и структурной принадлежности смешанных (комплексных, межотраслевых) правовых институтов. Стоит вопрос о систематизации правовых норм, содержание которых отличается сочетанием различных по характеру

правового регулирования предмета и метода, а также необходимости разработки системообразующих факторов и критериев классификации, определяемых спецификой отношений в различных сферах общественной жизни и формами их институционализации.

Обоснованию подлежат нормативные массивы, которые выходят за рамки отраслей права и проявляют себя на межотраслевом и общеправовом уровнях, где основой отраслевых связей выступают институциональные связи норм права.

Речь идет, с одной стороны, о том, что необходимо интегрировать комплексное институциональное образование в ту или иную отрасль права, с другой стороны, о том, что комплексный институт, образуемый нормами нескольких отраслей права, не может входить в одну из них, поскольку сфера регулятивного действия интегрированных в него норм (с учетом их объективных свойств) не может быть ограничена предметом и методом отдельной отрасли. Это возможно в системе законодательства в ситуации, когда основой его формирования служит непосредственно та или иная сфера общественной деятельности, подпадающая под регламентирование сразу нескольких отраслей права.

7. Современная систематизация права характеризуется тем, что в ее результате появляются комплексные отрасли права, образуемые не вследствие отпочкования от первоначальной («материнской», базовой) отрасли дочерних, а вследствие межотраслевого синтеза норм из разных отраслей или ввиду появления новой либо усложнения определенной области правового регулирования. При построении системы права смешанные правовые образования, возможно, следует рассматривать через призму развития комплексных структурных элементов системы права с учетом особенностей типа и режима правового регулирования.

8. В связи с тем что теоретическая концепция комплексного правового регулирования нацелена на идентификацию в системе права комплексных образований посредством использования критерия сочетания методов публичного и частного права, а также более детальных методов регулирования,

учеными выдвинуто предположение о существовании и функционировании в системе права нестандартных нормативных массивов и переходе системы права к новому типу структурной организации.

Подобно комплексным правовым образованиям, циклические правовые массивы также возникают в некоей «материнской» (базовой) отрасли, а когда преодолевают определенный рубеж собственного роста, то разрушают «материнскую» среду, генерируя новые структуры в системе права.

Остается разрешить вопрос о том, в рамках какой базовой отрасли и как институционализируются комплексные правовые институты. Применительно к инвестиционному праву определить эту отрасль сложно (это пытаются сделать ученые, выбирая между гражданским, предпринимательским, хозяйственным и финансовым правом).

Таким образом, в вопросе переосмысления конструкции системы отраслей права, правовых институтов, норм права, теория инвестиционного права может сыграть определенную роль наряду с иными подобными отраслями права, формирование которых не совсем укладывается в так называемую классическую теорию о системе права, разработанную согласно общепризнанным правилам юридической техники и принципам построения системы права.

В инвестиционном праве правовые институты, если они существуют, дадут понимание системы отрасли инвестиционного права. В этом плане в исследовании институциональный подход при его правильном понимании и использовании является универсальным.

Практическое значение категории правового института в инвестиционном праве проявляется в повышении уровня развития инвестиционного законодательства. Вряд ли представится возможным говорить об институтах инвестиционного права без норм права, которые обусловили практическую ценность института как правовой категории.

Отдельные институты инвестиционного права, институциональную природу которых в условиях сложившихся в науке представлений о системе отрасли права определить достаточно сложно, находятся на пути к институциональному оформлению.

Библиографические ссылки

1. Куницкая ОМ. Тенденции правового регулирования инвестиционной деятельности. В: Лещенко СК, редактор. *Правосудие и правоохранительная деятельность: законодательство и правоприменение. Выпуск 2*. Минск: РИВШ; 2021. с. 37–44.
2. Куницкая ОМ. Теоретико-методологические основы правового регулирования осуществления инвестиций в Республике Беларусь. В: Карпович НА, редактор. *Право в современном белорусском обществе. Выпуск 16*. Минск: Право и экономика; 2021. с. 426–433.
3. Венгеров АБ. *Теория государства и права*. Москва: Дашков и К; 2019. 608 с.
4. Мальцев ГВ. *Социальные основания права*. Москва: Норма; 2019. 800 с.
5. Матюхин АА. *Государство в сфере права: институциональный подход*. Алма-Ата: Адилет; 2000. 596 с.
6. Абрамова АИ. Проблемы правовой институализации в контексте развития современного российского общества. *Журнал российского права*. 2020;10:16–24.

7. Иоффе ОС. Структурные подразделения системы права (на материалах гражданского права). *Ученые записки ВНИИСЗ*. 1968;14:45–60.
8. Дембо ЛИ. О принципах построения системы права. *Советское государство и право*. 1956;8:91–93.
9. Байгин МИ. *Сущность права*. Москва: Право и государство; 2005. 544 с.
10. Давыдова МЛ. *Теория государства и права в науке, образовании, практике*. Москва: Проспект; 2016. 480 с.
11. Борисов ВВ, Витрук НВ, Гранат НЛ, Гревцов ЮИ, Исаков ВБ, Карташов ВН и др. *Общая теория государства и права: теория права. Том 2*. Москва: Зерцало; 1998. 640 с.
12. Джалилова ЕА. Проблемы определения понятия института и сущности права. *Вестник Волжского университета имени В. Н. Татищева*. 2018;1(2):22–31.
13. Сырых ВМ, редактор. *Проблемы теории государства и права*. Москва: Эксмо; 2008. 528 с.
14. Лазарев ВВ, редактор. *Общая теория права и государства*. Москва: Юристъ; 2001. 520 с.
15. Петров ДЕ. *Отрасль права*. Саратов: СГАП; 2004. 192 с.
16. Валиев РГ. Правовая институционализация и институты права: концептуальная модель. *Lex russica*. 2020;73(4):103–116.
17. Ерзнкян БА. Исследование институциональных понятий и характерных особенностей формальных и неформальных институтов. *Вестник университета (Государственный университет управления)*. 2012;20:76–83.
18. Благодир АЛ. О понятии, свойствах и структуре системы права. *Вестник Вятского государственного гуманитарного университета*. 2011;2-1:84–91.
19. Крупейников КВ. История развития института опеки и попечительства в отечественном гражданском праве. *Вестник Московского государственного областного гуманитарного института. Серия: История, философия, политология, право*. 2012;2:79–83.
20. Курочкин АВ. Концепт «правовая институционализация» и его содержание. *Актуальные проблемы российского права*. 2016;3:39–47.
21. Блажевич ИН. Комплексные отрасли и институты права. *Академический вестник*. 2010;3:23–26.
22. Зайцев АВ. Теоретико-методологические основания институционализации диалога государства и гражданского общества. *Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика*. 2012;1:231–236.
23. Кононов КА. Конституционно-правовой институт: теоретико-методологические основания исследования категории. *Конституционное и муниципальное право*. 2013;7:2–8.
24. Алексеев СС. *Проблемы теории права. Том 1*. Свердловск: [б. и.]; 1972. 396 с.
25. Кешикова НВ. Институализация порядка формирования государственных органов: к вопросу концептуализации понятия. *Евразийский союз ученых*. 2015;5-6:22–25.
26. Аубакирова ИУ. Институализация управления государственно-организованным обществом (из опыта России и Казахстана). *Международное публичное и частное право*. 2014;5:27–31.
27. Братусь СН, Самощенко ИС, редакторы. *Общая теория советского права*. Москва: Юридическая литература; 1966. 491 с.
28. Таева НЕ. *Виды норм конституционного права Российской Федерации*. Москва: Элит; 2010. 264 с.
29. Головкин ЛВ. Вступительная статья. В: Кабрияк Р. *Кодификации*. Москва: Статут; 2007. 476 с.
30. Хачатуров РЛ, редактор. *Отрасли законодательства и отрасли права Российской Федерации: общетеоретический, межотраслевой, отраслевой и историко-правовой аспекты*. Москва: Юрлитинформ; 2017. с. 79–82.
31. Карташов ВН. *Теория правовой системы общества. Том 1*. Ярославль: ЯрГУ; 2005. 547 с.
32. Спиридонов ЛИ. *Теория государства и права*. Москва: [б. и.]; 2001. 304 с.
33. Марченко МН. *Государство и право в условиях глобализации*. Москва: Проспект; 2015. 400 с.
34. Дорская АА. Потенциал историко-правовой науки в осмыслении теоретико-правовых категорий (на примере понятия «система права»). *Государство и право*. 2015;6:88–92.
35. Михель ДЕ. Теоретико-методологические проблемы построения российской системы права. *Юридический вестник Кубанского государственного университета*. 2021;3:8–14.
36. Саломатин АЮ. Повышение эффективности правотворчества в условиях современного этапа правовой реформы. *Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки*. 2009;1:119–121.
37. Хабриева ТЯ. Циклические нормативные массивы в праве. *Журнал российского права*. 2019;12:5–18.
38. Протасов ВН. *Теория государства и права*. Москва: Юрайт; 2022. 192 с.
39. Матюнин МФ. Дискуссионные вопросы критериев дифференциации отраслей законодательства и предмета их регулирования. *Актуальные проблемы экономики и права*. 2012;3:198–203.
40. Лисица ВН. *Инвестиционное право*. Новосибирск: [б. и.]; 2015. 568 с.
41. Лаптева АМ, Скворцов ОЮ. *Инвестиционное право*. Москва: Юрайт; 2019. 535 с.
42. Мороз СП. *Инвестиционное право Республики Казахстан*. Алма-Ата: [б. и.]; 2006. 508 с.
43. Фархутдинов ИЗ, Трапезников ВА. *Инвестиционное право*. Москва: Юрайт; 2022. 273 с.
44. Белицкая АВ. Основы инвестиционного права Российской Федерации: лекция в рамках учебного курса «Предпринимательское право». *Предпринимательское право: приложение к журналу*. 2012;1:12–22.
45. Гаврильченко ЮП. Место инвестиционного права в системе права. *Актуальные проблемы гражданского права*. 2021;1:24–39.
46. Цегельник ОВ. К вопросу о структуре и содержании учебника по хозяйственному праву. *Юстиция Беларуси*. 2014;5:50–53.
47. Терехова ЕВ. *Инвестиционное право: публично-правовые начала*. Москва: РГУП; 2015. 296 с.
48. Попова А.В. Инвестиционное право как комплексное нормативное образование системы права Российской Федерации. *Научный вестник МГТУГА*. 2013;196:119–121.

References

1. Kunitskaya OM. [Trends in the legal regulation of investment activities]. In: Leshchenko SK, editor. *Pravosudie i pravookhranitel'naya deyatel'nost': zakonodatel'stvo i pravoprimenenie. Vypusk 2* [Justice and federal activities: legislation and law enforcement. Issue 2. Minsk: National Institute for Higher Education; 2021. p. 37–44. Russian.
2. Kunitskaya OM. [Theoretical and methodological foundations of the legal regulation of investments in the Republic of Belarus]. In: Karpovich NA, editor. *Pravo v sovremennom belorusskom obshchestve. Vypusk 16* [Law in the modern Belarusian society. Issue 16]. Minsk: Pravo i ekonomika; 2021. p. 426–433. Russian.
3. Vengerov AB. *Teoriya gosudarstva i prava* [Theory of state and law]. Moscow: Dashkov and K; 2019. 608 p. Russian.
4. Maltsev GV. *Sotsial'nye osnovaniya prava* [Social foundations of law]. Moscow: Norma; 2019. 800 p. Russian.
5. Matyukhin AA. *Gosudarstvo v sfere prava: institutsional'nyi podkhod* [State in the sphere of law: an institutional approach]. Alma-Ata: Adilet; 2000. 596 p. Russian.
6. Abramova AI. Issues of legal institutionalisation in the context of modern Russian developing society. *Journal of Russian Law*. 2020;10:16–24. Russian.
7. Ioffe OS. [Structural subdivisions of the system of law (on the materials of civil law)]. *Uchenye zapiski Vsesoyuznogo nauchno-issledovatel'skogo instituta sovetskogo zakonodatel'stva*. 1968;14:45–60. Russian.
8. Dembo LI. [On the principles of building a system of law]. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo*. 1956;8:91–93. Russian.
9. Baitin MI. *Sushchnost' prava* [The essence of law]. Moscow: Pravo i gosudarstvo; 2005. 544 p. Russian.
10. Davydova ML. *Teoriya gosudarstva i prava v nauke, obrazovanii, praktike* [Theory of state and law in science, education, practice]. Moscow: Prospekt; 2016. 480 p. Russian.
11. Borisov VV, Vitruk NV, Granat NL, Grevtsov YuI, Isakov VB, Kartashov VN, et al. *Obshchaya teoriya gosudarstva i prava: teoriya prava. Tom 2* [General theory of state and law: theory of law. Volume 2]. Moscow: Zertsalo; 1998. 640 p. Russian.
12. Dzhaliilova EA. Problems of definition of the concept and essence of the institute of law. *Vestnik of Volga Region University named after V. N. Totishchev*. 2018;1(2):22–31. Russian.
13. Syrykh VM, editor. *Problemy teorii gosudarstva i prava* [Problems of the theory of state and law]. Moscow: Eksmo; 2008. 528 p. Russian.
14. Lazarev VV, editor. *Obshchaya teoriya prava i gosudarstva* [General theory of law and state]. Moscow: Yurist; 2001. 520 p. Russian.
15. Petrov DE. *Otrasl' prava* [Branch of law]. Saratov: Saratov State Law Academy; 2004. 192 p. Russian.
16. Valiev RG. Legal institutionalisation and legal institutions: conceptual model. *Lex russica*. 2020;73(4):103–116. Russian.
17. Erznkyan BA. [Research of institutional concepts and characteristic features of formal and informal institutions]. *Vestnik universiteta (Gosudarstvennyi universitet upravleniya)*. 2012;20:76–83. Russian.
18. Blagodir AL. On the notion, character and structure of system of law. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta*. 2011;2-1:84–91. Russian.
19. Krupeninikov KV. [The history of the development of the institution of guardianship and guardianship in domestic civil law]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo gumanitarnogo instituta. Seriya: Istoriya, filosofiya, politologiya, pravo*. 2012;2:79–83. Russian.
20. Kurochkin AV. The concept of legal institutionalisation and its content. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava*. 2016;3:39–47. Russian.
21. Blazhevich IN. [Complex branches and institutions of law]. *Akademicheskii vestnik*. 2010;3:23–26. Russian.
22. Zaitsev AV. [Theoretical and methodological grounds for the institutionalisation of the dialogue between the state and civil society]. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. Politologiya. Ekonomika. Informatika*. 2012;1:231–236. Russian.
23. Kononov KA. [Constitutional and legal institute: theoretical and methodological foundations for the study of the category]. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo*. 2013;7:2–8. Russian.
24. Alekseev SS. *Problemy teorii prava. Tom 1* [Problems of the theory of law. Volume 1]. Sverdlovsk: [s. n.]; 1972. 396 p. Russian.
25. Keshikova NV. [Institutionalisation of the procedure for the formation of state bodies: on the issue of conceptualisation of the concept]. *Evrasiiskii soyuz uchenykh*. 2015;5-6:22–25. Russian.
26. Aubakirova IU. [Institutionalisation of management of a state-organised society (from the experience of Russia and Kazakhstan)]. *Mezhdunarodnoe publichnoe i chastnoe pravo*. 2014;5:27–31. Russian.
27. Bratus' SN, Samoshchenko IS, editors. *Obshchaya teoriya sovetskogo prava* [General theory of Soviet law]. Moscow: Yuridicheskaya literatura; 1966. 491 p. Russian.
28. Taeva NE. *Vidy norm konstitutsionnogo prava Rossiiskoi Federatsii* [Types of norms of the constitutional law of the Russian Federation]. Moscow: Elit; 2010. 264 p. Russian.
29. Golovko LV. [Introductory article]. In: Cabriac R. *Kodifikatsii* [Codification]. Moscow: Statut; 2007. 476 p. Russian.
30. Khachaturov RL, editors. *Otrasli zakonodatel'stva i otrasli prava Rossiiskoi Federatsii: obshcheteoreticheskii, mezhotraslevoi, otraslevoi i istoriko-pravovoi aspekty* [Branches of legislation and branches of law of the Russian Federation: general theoretical, intersectoral, branch and historical and legal aspects]. Moscow: Yurlitinform; 2017. p. 79–82. Russian.
31. Kartashov VN. *Teoriya pravovoi sistemy obshchestva. Tom 1* [Theory of the legal system of society. Volume 1]. Yaroslavl: Yaroslavl State University; 2005. 547 p. Russian.
32. Spiridonov LI. *Teoriya gosudarstva i prava* [Theory of state and law]. Moscow: [s. n.]; 2001. 304 p. Russian.
33. Marchenko MN. *Gosudarstvo i pravo v usloviyakh globalizatsii* [States and law in the context of globalisation]. Moscow: Prospekt; 2015. 400 p. Russian.
34. Dorskaya AA. The potential of the legal history in the apprehension of the legal theoretical categories («system of law» concept case study). *State and Law*. 2015;6:88–92. Russian.
35. Mikhel' DE. [Theoretical and methodological problems of building the Russian system of law]. *Yuridicheskii vestnik Kubanskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2021;3:8–14. Russian.

36. Salomatin AYu. [Improving the effectiveness of lawmaking in the conditions of the current stage of legal reform]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Povolzhskii region. Obshchestvennye nauki*. 2009;1:119–121. Russian.
37. Khabrieva TYa. Cyclic normative arrays in law. *Journal of Russian law*. 2019;12:5–18. Russian.
38. Protasov VN. *Teoriya gosudarstva i prava* [Theory of state and law]. Moscow: Yurait; 2022. 192 p. Russian.
39. Matyunin MF. [Debatable questions of criteria for differentiation of branches of legislation and the subject of their regulation]. *Aktual'nye problemy ekonomiki i prava*. 2012;3:198–203. Russian.
40. Lisitsa VN. *Investitsionnoe pravo* [Investment law]. Novosibirsk: [s. n.]; 2015. 568 p. Russian.
41. Lapteva AM, Skvortsov OYu. *Investitsionnoe pravo* [Investment law]. Moscow: Yurait; 2019. 535 p. Russian.
42. Moroz SP. *Investitsionnoe pravo Respubliki Kazakhstan* [Investment law of the Republic of Kazakhstan]. Alma-Ata: [s. n.]; 2006. 508 p. Russian.
43. Farkhutdinov IZ, Trapeznikov VA. *Investitsionnoe pravo* [Investment law]. Moscow: Yurait; 2022. 273 p. Russian.
44. Belitskaya AV. [Fundamentals of the investment law of the Russian Federation: a lecture within the framework of the training course «Entrepreneurial Law»]. *Predprinimatel'skoe pravo: prilozhenie k zhurnalu*. 2012;1:12–22. Russian.
45. Gavrilchenko YuP. The place of investment law in the system of law. *Aktual'nye problemy grazhdanskogo prava*. 2021; 1:24–39. Russian.
46. Tsegel'nik OV. [To the question of the structure and content of the textbook on economic law]. *Justytsiya Belarusi*. 2014;5:50–53. Russian.
47. Terekhova EV. *Investitsionnoe pravo: publichno-pravovye nachala* [Investment law: public law principles]. Moscow: Russian State University of Justice; 2015. 296 p. Russian.
48. Popova A.V. The investites law as a comprehensive normative formation of the Russian Federation's law system. *Nauchnyi vestnik MGTUGA*. 2013;196:119–121. Russian.

Статья поступила в редколлегию 18.11.2022.
Received by editorial board 18.11.2022.